

Н.Т.АШИМБАЕВА

ЛЕКСЕМА “КНЯЗЬ” В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО

Произведения Достоевского при их глубокой и напряженной насыщенности символическим смыслом, обеспечивающим постоянное присутствие “второго плана”, отмечены и своеобразием функционирования лексического состава. Многими учеными убедительно доказано, сколь многозначительны и многозначны бывают в контексте произведений Достоевского слова, особенно те из них, которые относятся к числу любимых автором и часто повторяемых. Кажется, изучение всего спектра значений слов в контексте творчества писателя составляет одну из наиболее привлекательных сторон изучения Достоевского в последнее время. Эти исследования позволяют по-новому подойти к познанию Достоевского, и наиболее плодотворным их результатом является углубленное представление о творческом мышлении писателя, выражавшего себя в каждой клеточке создаваемого художественного мира. Для такого рода исследований трудно переоценить значение конкордансов, облегчающих поиск и дающих возможность максимально полно учесть все оттенки значения той или иной лексики в произведениях писателя. Однако не имея пока в распоряжении полного конкорданса к произведениям Достоевского (за исключением изданного в Японии к “Преступлению и наказанию”¹), можно сделать обобщения, опираясь на традиционные методы научного поиска.

К числу слов, нуждающихся в выявлении полного контекста их функционирования в произведениях Достоевского, можно отнести слова “князь” и “идиот”, каждое из которых обладает достаточно частой повторяемостью в контексте творчества писателя и которые сошлись вместе, сложно объединив свои семантические поля, в романе “Идиот” применительно к главному герою.

КНЯЗЬ

Среди героев Достоевского немало таких, которые носят этот старинный титул: князь Х-ий (“Неточка Незванова”), князь К. (“Дядюшкин сон”), князь Валковский и его сын Алеша (“Униженные и оскорбленные”), князя

Сокольские в “Подростке”, конечно, князь Мышкин. Есть и персонажи совершенно эпизодические или просто однократно упомянутые, но также наделенные княжеским титулом. И наконец, есть ситуации, когда княжеский титул не является обозначением социального статуса, а выступает носителем символического значения. Имеет смысл рассмотреть значение этого слова, сгруппировав ситуации более или менее сходные.

Можно заметить, что у раннего Достоевского, в “Неточке Незвановой”, слово “князь” адекватно своему социальному смыслу: указывает на принадлежность к старинному знатному роду и на высокое и прочное положение в обществе, при этом имеет значение контраст с социальной ущемленностью основных героев. Одним из возможных прототипов этого героя был князь В.Ф.Одоевский, но в то же время дом князя Х-го, где Неточка слышит выступление знаменитого скрипача, “более напоминает роскошный дом Виельгорских, нежели скромное жилище Одоевского”². Известно, что Достоевский бывал на музыкальных вечерах у Виельгорского. Атмосфера аристократического художественного салона оказала сильное воздействие на молодого Достоевского, ранее, до своего успешного писательского дебюта, не имевшего доступа в эту среду. Таким образом, в изображении дома князя Х-го и его самого нашли отражение черты, которые получают свое дальнейшее развитие в романе “Идиот”. В этом образе, как отметил еще Л.П.Гроссман, впервые у Достоевского намечен тип “кроткого князя”³. Князь Х-й прежде всего беспредельно добрый и кроткий человек, чуждый сословной спеси и высокомерия, свойственных обладателям высоких титулов. Кротость и гордость — это два антонимически противопоставленных качества, которые связываются с княжеским титулом у Достоевского и создают весьма сложные и многообразные сочетания применительно к разным героям-князьям. Но в любом случае, каковы бы ни были личные качества носителя титула, он сам по себе обладает силой магического воздействия, притягивает, завораживает умы, создает вокруг личности некое поле, распространяющее свое влияние и на окружающих, и на социальное самочувствие героя. Во взаимоотношениях героя-князя с обществом, с другими людьми возникают самые разнообразные ситуации, завязка которых во многом обусловлена наличием титула. В некотором отношении княжеский титул в произведениях Достоевского соотносим по воздействию на общество с “реvisorом” у Гоголя. Особенно прозрачно это сходство в “Дядюшкином сне”, где гоголевские аллюзии весьма многочисленны и сознательно обыграны. Возбуждение мордавского общества в связи с появлением князя, особенное движение, суэта, вызванные его приездом, тщеславные планы Москалевой, ревнивое соперничество дам вокруг выжившего из ума князя объясняются не только его богатством, но и “княжеством”. Для Москалевой важно, что Зина станет княгиней и будет занимать подобающее положение в высшем обществе. Все это вызывает прямые ассоциации с “Ревизором”, особенно усиленные коми-

ческим несоответствием претензий и полной несостоятельности героя, с помощью которого эти претензии должны быть осуществлены.

Ни князь в “Дядюшкином сне”, ни Хлестаков в “Ревизоре”, упиваясь своим успехом и тешась всеобщим вниманием и благосклонностью дам, в полной мере не отдают себе отчета во всех перипетиях той игры, которая затеялась вокруг их персоны. Князь не способен этого понять в силу своего слабоумия, Хлестаков из-за легкомыслия, граничащего с патологией, — в исполнении этой роли Мих. Чехов акцентировал именно патологические проявления личности Хлестакова⁴ — в своем неведении и упоении он почти идиот, распадающаяся личность, значение которой гипертрофировано обществом лишь в силу магического воздействия чина, номинатива, случайно и незаконно соединившегося с ним на краткий миг. Князь Достоевского действительно князь, но кроме громкого титула от него уже давно ничего не осталось и его богатство, так возбуждающе действующее на умы — тоже отчасти фантом, так как наследники держат его под своим контролем и решают, посадить ли князя в сумасшедший дом по слабоумию или подождать, пока он сам умрет.

С этим персонажем связана тема механической куклы: “Рассказывали, между прочим, что князь проводил больше половины дня за своим туалетом и, казалось, был весь составлен из каких-то кусочков. Никто не знал, когда и где он успел так рассыпаться <...> Уверяли, что он как-то расправлял пружинками морщины на своем лице и что эти пружины были, каким-то особенным образом, скрыты в его волосах” (2; 300 — 301). Здесь же передаются слухи о том, что у князя одна нога поддельная, “правый глаз его был стеклянный”, “зубы тоже были из композиции”.

“Князь” и “кукла” соединены у Достоевского неоднократно. Слово “князь” в “Господине Прохарчине” появляется в абсурдном контексте прохарчинского бреда: “Ты, мальчишка, молчи! Празднословный ты человек, сквернослов ты! слышь, каблук! князь ты, а? понимаешь штуку?” (1; 252). И далее, в обращении к Зимовейкину: “...ты, несчастный, вор ты! слышь, понимаешь? туз ты, князь, тузовый ты человек!” (1; 254). Объяснить логически, почему именно “князь” вырывается из уст Прохарчина, весьма трудно⁵. Здесь оно в ряду других слов, безотчетно и бессвязно срывающихся с языка героя, а вся дробная и рассыпающаяся речь Прохарчина вписывается в кукольный мир рассказа, составляющий существенный элемент его “подтекста”⁶. Князь-кукла — это своеобразный персонаж-статист, который появляется и в “Бесах”, в гостиной Юлии Михайловны — “заезжий князек”, в стоячих воротничках и с видом деревянной куклы. <...> Оказалось, что эта немая восковая фигура на пружинах умела если не говорить, то в своем роде действовать...” (10; 359). Княжеский титул применительно к персонажу, лишенному полностью или почти лишенному каких-либо личностных свойств, приобретает саркастический смысл, придает ложную многозначительность. В этой ситуации образ получает гротескное значение — в “прохарчинском” контексте слово

“князь” звучит абсурдно, а в “Дядюшкином сне” оно сопрягается с представлением о персонаже, страдающем слабоумием, идиотизмом. Правда, о князе К. говорится, что “человек он был добрейший, разумеется, не без некоторых княжеских замашек, которые... в Мордасове считали принадлежностью самого высшего общества...” Таким образом, в герое “Дядюшкина сна” сочетаются княжеский титул, доброта, слабоумие, то есть те основные “компоненты”, которые войдут в образ главного героя романа “Идиот”, но здесь их соединение придает образу гротескный и комический характер.

Произведения Достоевского изобилуют чисто “упоминательным” употреблением слова “князь” — в таких случаях за этим не стоит никакого конкретного персонажа, но смысл таких упоминаний связан с возникающим при этом “социальным гипнозом”. Такое использование титула (как бы вскользь) дает возможность несколько приподняться в глазах общества тому, кто это слово произносит.

В “Преступлении и наказании” Катерина Ивановна вспоминает и княгиню Безземельную, и князя Щегольского, который протанцевал с нею мазурку и хотел приехать с предложением, — это из области ее прошлого. И теперь перед Амалией Людвиговной она подчеркивает свою (пусть и бывшую) принадлежность к высшим слоям общества: “Князь знал меня еще в девицах и очень хорошо помнит” (6; 141). Знакомство с князем (или даже родство, как у Свидригайлова с неким князем Свирбеем), или хотя бы какая-то возможность указать на прикосновенность к тем сферам, где вращаются столь знатные особы, льстит тщеславию и потому многие с видимым удовольствием просто произносят княжеские имена. Про Кармазинова хроникер говорит, что он “при первом князе, при первой графине, при первом человеке, которого он боится, почтет священнейшим долгом забыть вас...” (10; 10). Княжеский титул выступает своего рода ферментом, содействующим обнаружению тщеславия, амбиций, светской суетности и тому подобных качеств. При слове “князь”, приложенном к имени человека, как будто сразу же магически изменяется вокруг него “поле”, появляется некий ореол, он приобретает особую значительность, становится притягателен и интересен для окружающих. Это особенно выразительно показано в “Подростке”. Аркадий — Долгорукий, но не князь, и всякий при знакомстве с ним непременно спрашивал:

“ — Князь Долгорукий?”

И каждый-то раз я обязан был всем этим праздным людям объяснять:

- Нет, *просто* Долгорукий.

Это *просто* стало сводить меня наконец с ума <...> Услыхав, что я *просто* Долгорукий, спрашивавший обыкновенно обмеривал меня тупым и равнодушным взглядом <...> и отходил прочь” (13; 7). Не быть князем — это одно, но быть Долгоруким и не быть князем — это уже надрыв и даже унижение. Несомненно, что такое парадоксальное сочетание — княжеская фами-

лия, полученная от простолюдина Макара Долгорукого незаконнорожденным сыном Версилова, — один из сильнейших факторов, влияющих на характер и судьбу Аркадия. Здесь почти как в арифметической задаче показано, что остается, если вычтешь из некоей заданной суммы важный компонент, необходимой для нормального полноценного самочувствия героя.

Княжеский титул как бы содействует в произведениях Достоевского выявлению разного рода парадоксов личностного и социального планов. Начиная с раннего творчества (за редкими исключениями — князь Х-ий), князь всегда сочетается у Достоевского с понятиями и сущностями, которые контрастируют, входят в противоречие, так или иначе не совмещаются с высотой титула. Мы не найдем у Достоевского персонажей, выражающих своей личностью и своим семейным и общественным бытием тот “красивый тип”, который находим, например, у Толстого. Князей, подобных князьям Болконским, Щербацким или даже князю Нехлюдову, у Достоевского нет. Исчезает “красивый тип” (по “Подростку”), и с распадом и гибелью явления происходит утрата гармонического центра в значении слова. В нем совершается поляризация смыслов, и слово оказывается носителем противоположных значений: в действительности мы видим титулованных кукол, фантомы вместо живых людей; а вместе с тем понятно, что на этой почве рождается мечта об идеальном князе, с которым связывается все героическое, рыцарственно благородное — такова мечта Хромоножки. Ничего этого нет в Ставрогине. С одной стороны — мечта Марьи Тимофеевны, а с другой — маска, личина, скрывающая безмерную гордость и внутреннее опустошение — это тайна Ставрогина. Оказывается, что он не князь, а самозванец, Гришка Отрепьев. Но угадать тайну Ставрогина дано не кому-нибудь, а Марье Тимофеевне Лебядкиной, юродивой, полусумасшедшей, ясновидящей: “Похож-то ты очень похож, может, и родственник ему будешь... Только мой — ясный сокол и князь, а ты — сыч и купчишка! <...> Говори, самозванец, много ли взял?...” (10; 219). Реакция Ставрогина абсолютно точна в контексте поэтики Достоевского: “- У, идиотка! — проскрежетал Николай Всеволодович...” С.Н.Булгаков писал о Хромоножке, что она “... под щитом своей юродивости, уродства и слабоумия недоступна силе зла и открыта добру”⁷. Именно эта неожиданная точность ее “фантастической”, внерациональной реакции и вызывает бешенство Ставрогина, оказавшегося “не тем князем”.

Своего князя “намечтал” и Верховенский, назвав его “Иваном-Царевичем”. Характерно, что так же, как и в случае с Шатовым и Кирилловым, когда Ставрогин послужил источником для возникновения противоположных идей, — так и здесь нечто структурно аналогичное: у Верховенского и у Лебядкиной “мечта” связывается с образом, имеющим сходные черты, восходящие к фольклорно-историческому прообразу, но внутренняя природа “князя” — в воображении Хромоножки, и Ивана-царевича — в построениях Верховенского — противоположны, ибо одна — само бескорыстие и чистый идеализм, а другой —

мошенник и циник, задумавший подлог в грандиозном масштабе. Оба сочинили, нафантазировали каждый своего “князя”, ничего общего не имеющего с реальным Ставрогиным. Здесь следует отметить, что в черновиках к роману, на ранних этапах его создания, Ставрогин устойчиво именуется князем, причем с этим образом связывается представление о безмерной гордости: “Главное. Характер Князя — А.Б.? Горд — особого рода” (11; 60); “NB). С начала романа поставить как бы героем романа и идеалом Князя, и так вести дело до самого удара кулаком по лицу” (11; 63). Не вполне понятные литеры “А.Б.”, по предположению, высказанному Ю.Ф.Карякиным, могут содержать отсылку-сравнение с Андреем Болконским. Предположение вполне правдоподобное: образ героя Толстого (гордый князь) мог служить для Достоевского на первых этапах формирования образа князя-гордеца (будущего Ставрогина), своеобразным ориентиром, отправным пунктом, ставшим впоследствии ненужным⁸.

Несмотря на то, что в произведениях Достоевского немало “князей”, но, пожалуй, основные значения, связанные с этим словом, тяготеют к двум полюсам, выражающим, с одной стороны, кротость, стремление к воплощению в жизни христианского идеала, а с другой — гордость, крайний индивидуализм, безбожие. Предельное выражение этих качеств находим у героев-антиподов: князя Мышкина и Николая Ставрогина.

Эти два героя, как и оба романа — “Идиот” и “Бесы” — могут рассматриваться как близнецы-антиподы. Не случайно они как бы соседствуют по времени создания, написаны непосредственно друг за другом. Есть определенное сходство и в их построении: оба они моноцентричны, то есть в центре находится главный герой, к которому стягиваются все сюжетные нити, с которым крепко связаны практически все главные и даже, так или иначе, второстепенные герои. Разница заключается в том, что в “Идиоте” центр являет собой источник света: князь Мышкин, а в “Бесах” — источник тьмы и гибели для окружающих — Николай Ставрогин. П.М.Бицилли писал, что “тема “двойничества” разработана Достоевским много шире, чем <...> это было установлено исследователями, во множестве вариаций, иной раз столь, на первый взгляд, далеко отстоящих от самой темы, что их принадлежность к ней ускользает от внимания; что в сущности на этой теме держится все построение его романов и рассказов”⁹. Думается, что рассматриваемый случай *Мышкин/Ставрогин* и шире — “Идиот”/“Бесы” — относится как раз к такой неявной, но глубинно очень существенной ситуации двойничества.

Любопытно, что два эти героя перекликаются и в предварительных набросках к романам по своеобразному способу их обозначения: “князь-Христос” и князь-гордец, причем в окончательном тексте в “Идиоте” остается только “князь Мышкин”, а в “Бесах” Ставрогин уже не носит титула “князь”. То есть у каждого из этих героев в их окончательном именовании происходит своего рода редукция части какого-то предварительного имени, которое на определенном этапе участвовало в формировании образа. Князь Мышкин является носителем Хри-

стова духа по самой своей сути, и автору уже не нужно стало указывать на это прямолинейно. Ставрогин же является воплощением аристократического индивидуализма и непреодолимой гордыни, и княжеский титул как дополнительно подчеркивающая эти качества деталь тоже оказался не нужен — зато появился символический смысл, связанный именно со словом “князь”. Кроме того, в фамилии героя — Ставрогин — присутствует “крест”, что также, возможно, скрыто связывает этот образ с его двойником-антиподом.

Каждому из этих двойников соответствует свой исторический контекст. С образом Ставрогина связывается тема самозванства, санкционирующего анархию, бунт, “бессмысленный и беспощадный”, с ножичком Федьки Каторжного.

Образ же князя Мышкина влечет совсем другой круг ассоциаций. Достоевский несомненно знал, что среди князей уже в эпоху удельной Руси были князья-изгои, потерявшие свои владения и ставшие как бы деклассированными князьями¹⁰. Мышкин, с самого первого с ним знакомства, подан именно в этой стилистике:

“ — Князь Мышкин? Лев Николаевич? Не знаю-с. Так что даже и не слыживал-с, — отвечал в раздумье чиновник Лебедев, — то есть я не об имени, имя историческое, в Карамзина истории найти можно и должно, я об лице-с, да и князей Мышкиных уж что-то нигде не встречается, даже и слух затих-с.

— О, еще бы! — тотчас же ответил князь, — князей Мышкиных теперь и совсем нет, кроме меня; мне кажется, я последний. А что касается до отцов и дедов, то они у нас и однодворцами были” (8; 8).

Сама фамилия — Мышкин содержит в своей семантике момент умаления (кенозис¹¹) и находится в некотором противоречии с титулом — так, видимо, она воспринималась и собеседниками Мышкина, ведь не все же были начитаны в Карамзине, как Лебедев, и о князьях Мышкиных уже подзабыли. Кстати, и сочетание имени и фамилии (Лев Мышкин) этого героя также неслучайно — в нем заложено соединение силы и слабости, понимаемой как кротость, смирение, характерное для героев Достоевского, которые являются носителями христианских начал.

В князе Мышкине предельно подчеркнута его положение вне того социума, в который он попадает, приехав в Петербург. Он не вписывается в существующую общественную иерархию — сначала как бедняк, лишенный каких-либо определенных средств к существованию, — хотя при этом и князь, а затем, когда он получает наследство и вполне может занять в обществе подобающее ему по знатности и богатству положение, — он все-таки остается тем же, каким был прежде: богатство не меняет ничего в его поведении и стиле общения с окружающими. В романе Мышкин показан в том обществе, которому он соответствует по своему рождению и титулу, но при этом не “вписывается” в это общество, остается другим. Особенно ярко это видно в эпизоде с китайской вазой, когда на “смотрины” собираются гости, среди них есть и

некто князь N, и “старуха Белоконская”, и другие – своего рода “фамусовское общество”. Князь выглядит чудачком, от которого ждут какого-то эксцентричного поступка, и таким поступком стала не только разбитая ваза, но и антикатолическая, почвенническая речь Мышкина, в которой он высказался также об особой роли “верхнего слоя русских людей”: “Я боюсь за вас, за вас всех и за всех нас вместе. Я ведь сам князь исконный и с князьями сижу. Я, чтоб спасти всех нас, говорю, чтобы не исчезло сословие даром, в потемках, ни о чем не догадавшись, за все бранясь и все проиграв. Зачем исчезать и уступать другим место, когда можно остаться передовыми и старшими? Будем передовыми, так будем и старшими. Станем слугами, чтоб быть старшинами” (8; 458). Идеи Мышкина и его экстаз не только не встречаются понимания, но вызывают беспокойство как что-то выпадающее из общественных приличий, – разбитая ваза подтверждает эти беспокойства, и все объясняется болезнью князя, когда с ним случается припадок.

Между тем речь князя, обращенная к обществу, представляет собой прямой парафраз слов Иисуса Христа, обращенных к ученикам: “<...> Вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть ббльшим между вами да будет вам слугою; кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом” (Мк.: 10, 42 – 44). Мышкин в согласии с евангельским учением, будучи князем, готов быть всем слугою, что для окружающих остается выражением чужачества или болезни.

Князь Мышкин живет в мире (“в миру”), но не по его законам и правилам – потому он юродивый, идиот. Такие, как он, князья-изгои чаще всего в старину постригались в монастырь и становились князьями-иноками. Особые способности князя Мышкина к каллиграфии – это некоторый намек на его иноческие влечения, что подчеркнуто и текстом, который князь написал для генерала Епанчина: “Смиранный игумен Пафнутий руку приложил” (8; 29).

После романа “Идиот” Достоевский последовательно развивает тему русского инокa и показывает мир монастыря. Тема монастыря возникает уже в “Житии великого грешника” – в неосуществленном плане, из которого проросли все романы: “Бесы”, “Подросток”, “Братья Карамазовы”. В этом наброске намечен и путь от безмерной гордости Великого грешника к смирению и самоотречению, появляется как бы “мимоходом” и образ князя-инокa в беглой строке: “Аникита идет к Чаадаеву усовещевать. Зовет Тихона...” (9; 138)¹².

Итак, Достоевского волновали два контрастирующих образа с княжеским титулом: гордого и христиански кроткого, смиренного. Оба эти характера он воплотил в своих романах. В обоих случаях титул подчеркивает то качество характера, которое является преобладающим в герое: гордость, презрение к окружающим, высокомерие (князь Валковский, Ставрогин) и христианскую кротость и смирение, усиленные тем, что сам княжеский титул, по мирским законам, связывается с прямо противоположными качест-

вами (князь Мышкин). Между этими полюсами — титулованные герои, живущие в сфере социально обусловленного бытия с его устоявшимися формами, которые чаще всего в мире Достоевского показаны как утратившие внутренний органический смысл — отсюда застылость, механистичность (мотив куклы), ложная напыщенность, расслабленность и т. д.

Главные, полярные характеры князей объединены значением, изначально заложенным в слове “князь”, а именно: начальник, властелин¹³. Князья-гордецы стремятся к владычеству над людьми, которых презирают, — это “князья мира сего”. В “Житии великого грешника” эта черта неоднократно подчеркнута в эскизе характера будущего героя: “Или рабство, или владычество” (10; 126); “Наклонность к безграничному владычеству и вера непоколебимая в свой авторитет” (10; 127) и др. Но и в смиренных героях находит выражение та же тема владычества, которое понимается как духовная сила. Достоевский неоднократно писал о том, какой огромный заряд силы несет в себе смирение: “Тихон. О смирении (как могуче смирение)” (10; 138); “Муку прими. (Смирение — величайшая сила)” (15; 244). Владычество — слово также наделенное большим смыслом в художественном мире Достоевского, — может быть направлено во вне и выражаться в стремлении к безграничной власти над другими, но может явить себя как огромная благая духовная сила в смирении, кротости и любви. Это противопоставление проходит через все романы Достоевского и является органическим выражением его религиозного понимания мира и человека. Однако в Библии слово “князь” по преимуществу обозначает сильных мира сего, военачальников, тех, кто наделен реальным, земным владычеством над людьми: “Он укрощает дух князей, он страшен для царей земных” (Пс.: 75, 13); “Восстали цари земные и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его” (Деяния: 4, 26)¹⁴. К Евангелию от Иоанна восходит выражение “князь мира сего” (Иоанн: 12, 31; 14, 30; 16, 11). И наконец в евангельской притче об изгнании бесов и исцелении бесноватого больного, имеющей столь важное значение для романа “Бесы”, есть выражение “князь бесовский”: “А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского” (Мф.: 9, 34)¹⁵. В этом выражении буквально заложен образ Ставрогина, по крайней мере тот, каким его увидела Марья Тимофеевна Лебядкина¹⁶. Черты кротости и всепрощения, которые в романе “Идиот” связываются с князем Мышкиным, в библейских текстах к слову “князь” не относятся... Однако, называя своего героя “Князь Христос”, Достоевский мог вкладывать в это имя не только представление о “положительно прекрасном человеке” как носителе черт духовной красоты и смирения, но и представление о силе и владычестве “не от мира сего”, которые неотрывны от образа Иисуса Христа.

Слово “князь”, как и другие лексемы, связанные с наиболее значимыми сущностями художественного мира Достоевского, несет в себе и положительный, и отрицательный заряд. Художественная диалектика в произведе-

ниях Достоевского находит выражение в каждой микроструктуре текста и проявляет себя в полной мере и в диалектической борьбе полярных начал внутри каждого слова¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ A Concordance to Dostoevsky's Crime and Punishment / Edited by Ando Atsushi, Urai Yasuo and Mochizuki Tetsuo. Sapporo. 1994. Конкорданс (указатель слов в контексте) к роману Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" / Составители А.Андо, Я.Ураи, Т.Мотидзуки. Саппоро. 1994. (Университет Хоккайдо. Центр славяноведения). См. рец. на это издание Б.Н. Тихомирова // Достоевский и мировая культура: Альманах № 8. — М., 1997. С. 233 — 248.

² Гозенпуд А. Достоевский и музыкально-театральное искусство: Исследование. — Л., 1981. С. 55.

³ Гроссман Л.П. Достоевский / Изд. 2. — М., 1965. С. 126.

⁴ Семашко Н. Хлестаков (Чехов) с медицинской точки зрения. Цит. по: Манн Ю. Комедия Гоголя "Ревизор". — М., 1966. С. 66.

⁵ Одно из возможных объяснений связано со значением слова "князь", предложенным словарем Даля: "Русские князья частью потомки бывших владетельных князей, частью признаны в этом звании из татарских мурз и ханов <...>. Народ местами доньше то шутя, то почетно, всякого татарина кличет князем". // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 1 — 4. — М., 1978. — Т. 2. И-О. 1979. С. 125. К этому следует добавить, что татары традиционно занимались торговлей, так что возникает еще одно локальное значение: князь — татарин, торговец, старьевщик.

⁶ Об использовании мотива куклы в "Господине Прохарчине" см.: Чернова Н.В. "Господин Прохарчин". (Символика огня) // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 13. — СПб. 1996. С. 36 — 44.

⁷ Булгаков С.Н. Русская трагедия // Булгаков С.Н. Соч.: В 2-х т. — М., 1993. Т. 2. С. 506-507.

⁸ См.: Сараскина Л. Федор Достоевский: Одоление демонов. — М., 1996. С. 23-38 (гл. "Князь А.Б. — эволюция замысла").

⁹ Бицилли П.М. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. — М., 1996. С. 493. Мысль о таком "близнецном" соотношении Мышкина и Ставрогина намечена и у Г.Померанца. См.: Померанц Г. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. — М., 1990. С. 264 — 267.

¹⁰ Князья-изгой — это "бедные, жалкие люди, лишившиеся обыкновенных в их положении способов существования и нуждающиеся в покровительстве, которое брала на себя Церковь." // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Эфрон. — СПб., 1895. Т. XV. С. 478 (статья "Князь-изгой").

¹¹ См.: Котельников В.А. Кенозис как творческий мотив у Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 13. С.194 — 199.

¹² См. доклад Б.Н.Тихомирова на XXI международной научной конференции в Литературно-мемориальном музее Ф.М.Достоевского (1996), в котором убедительно доказано, что Аникита из неосуществленного замысла Достоевского имеет прототипом князя-инока Аникиту (в миру князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов). Стенограмма конференции хранится в архиве Музея.

¹³ Князь — ... (норманск. *Konung*...) начальник, властелин; владетель области, княжества... // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 1 — 4. — М., 1978. — Т. 2. И-О. 1979. С. 125.

¹⁴ См.: Симфония на Ветхий и Новый Завет: Ч.А-О. — СПб., 1900. (Репринтное изд. — М., 1994.) С. 521 — 523.

¹⁵ См. также: Мк.: 3, 22; Лк.: 11, 15; Еф.: 2, 22.

¹⁶ В словаре В.И.Даля даны также и другие значения слова "князь": "князь мира сего, князь бесовский, сатана" и еще: "по свадебным обычаям, жених и новобрачный, в день брака, князь". Именно эти значения актуализируются для М.Т.Лебядкиной в ее отношениях к Ставрогину.

¹⁷ Ашимбаева Н.Т. Сердце в произведениях Достоевского и библейская антропология // Достоевский и мировая культура: Альманах № 6. — СПб., 1996. С. 109 — 117.